

Гуссерль Э. Картезианские размышления / Пер. Д. Складнева; науч. ред. Я. А. Слиннин. СПб.: Наука, 2006.

Декарт. Размышления о первой философии. Пер. С. Я. Шейнман-Топштейн.

Литвак М. Е. Принцип сперматозоида. — Изд. 32-е. — Ростов-на-Дону: Феникс, 2010.

Сартр Ж.-П. Бытие и Ничто: Опыт феноменологической онтологии / Пер. В. И. Колядко.

Strawson G. Selves: An Essay in Revisionary Metaphysics. Oxford University Press, 2011.

Чалмерс Д. Сознательный ум: В поисках фундаментальной теории / Пер. В. В. Васильева. М.: Либроком, 2013.

Юм Д. Трактат о человеческой природе / Пер. С. И. Церетели.

Источники на иностранном языке

Brian Greene, *The Elegant Universe: Superstrings, Hidden Dimensions, and the Quest for the Ultimate Theory*, Vintage Series, Random House Inc, 2000.

Nagel T. *The View from Nowhere*. Oxford University Press, 1986. Bertrand Russell. *Basic Writings of Bertrand Russell*.

Parfit. *Reasons and Persons*.

РЕЦЕНЗИИ

ЧАША ИЛИ ВИНОЧЕРПИЙ?

Чаша и виночерпий: Сборник переводов памяти А. А. Долининой. СПб., 2018.

Россия отгородилась от мусульманских культур фразой «Восток — дело тонкое» и не желает в этот самый исламский Восток вглядываться и понимать его. На Западе ту же роль барьера играют эффектные строки Киплинга «*Запад есть Запад, Восток есть Восток, не встретиться им никогда...*»:

Oh, East is East, and West is West, and never the twain shall meet...

Смею утверждать: Киплинг не знал Востока.

Он родился и вырос в Индии и много ездил по Британской империи, но Индия — это не Восток, а все тот же, если так можно выразиться, арийский Запад, давно осевший на Востоке (точнее даже — на тропическом Юге) и, кстати, тоже отгородившийся от «местных» стеной кастовой системы. Забавно то, что в Индии «настоящий» — то есть «семитский», исламский — Восток утверждает себя, разрушая традиционные касты индуизма. Например, говорит неприкасаемому: в рамках индуизма у тебя нет шансов, но прими ислам, и ты станешь равным любому мусульманину, даже и пророку Мухаммеду...

Однако не буду затягивать предисловие. Перейду к предметному разговору о сборнике «Чаша и виночерпий» (издательство «Петербургское востоковедение», СПб., 2018, 272 с.). Составители книги, Сарали Гинцбург и Виктор Дзевановский-Петрашевский, предпослали книге такую развернутую аннотацию (цитирую с некоторыми незначительными изменениями):

Настоящая книга посвящается Анне Аркадьевне Долининой (1923–2017), выдающемуся отечественному арабисту, ученому и филологу. В книге представлены

переводы учеников и коллег А. А. Долининой, не ограниченные одной лишь классической арабской литературой.

Чтобы представить лишь малую часть из многочисленных заслуг А. А. Долиной перед отечественным востоковедением (в первую очередь, в области художественного перевода, преподавания и создания теории перевода), в книгу включены классические и современные тексты, написанные как на арабском языке, так и на тех языках, формирование и развитие которых происходило под влиянием арабского мира. Большая часть переводов издается впервые; те же, что уже издавались ранее, выходят в новой редакции.

Издание рассчитано на любителей ближневосточной литературы разных эпох. Читатель сможет ознакомиться не только с классическими произведениями арабской литературы, но и с произведениями современных арабских авторов из Алжира, Египта, Йемена, Ливана, Марокко, Палестины, Сирии и Туниса. В книге также присутствуют произведения средневековых и современных еврейских писателей и поэтов, а равно образцы поэзии и прозы Ирана, Танзании и Сокотры.

Авторы аннотации не указали, что в сборник включены в первую очередь и переводы А. А. Долининой (впрочем, в аннотации говорить об этом как о само собой разумеющемся, было и необязательно); также в нем представлены переводы таких корифеев современной арабистики, как М. А. Родионов, М. Н. Суворов; переводы видного специалиста в литературе фарси Н. И. Пригариной; переводчиков-семиологов Ю. П. Вартанова, Ш. Крола, Л. Е. Когана; напечатаны тексты арабистов и переводчиков-востоковедов, не являющихся крупными светилами филологической науки, но активно работающих в области международных литературных связей, среди них С. Гинцбург, И. Сид, Н. Фролова, А. Парибок (виднейший санскритолог и переводчик буддистской литературы) и другие.

Отдельно следует сказать о переводах из сказок «Тысячи и одной ночи»: они выполнены известным арабистом Д. В. Микульским; одну сказку перевела К. Осипова. Кстати, возникает вопрос: не пришло ли время для нового перевода всех сказок «Тысячи и одной ночи»?

О некоторых других переводчиках я еще скажу ниже. Данная рецензия адресована не только востоковедам, но и любителям литературы вообще. И вот что удивляет человека, не очень сведущего в поэзии Востока новейшего времени: она порой вообще не является «поэзией» (в обычном смысле), но скорее — некими сборниками афоризмов, философских сентенций, сформулированных кратко, емко и с литературным («поэтическим») блеском; не тяжеловесно, как это свойственно профессиональным философам, но скорее — с легкостью и виртуозностью мастеров острого словца.

Приведу пример, открою книгу просто наугад и процитирую одну целую страницу такой «поэзии»:

Корень — это цветок, презревший славу.

За пределами красоты нет ни религии, ни науки.

Истинно великий человек — тот, кто никого не станет учить и ни у кого не станет учиться.

Я ни за что не поверю, что человек — посредственность, по той простой причине, что он убивает и преступников, и пророков.

Терпимость — это любовь, страдающая надменностью.

Несогласие, должно быть, кратчайшее расстояние между двумя умами.

Я — пламя, и я же — сухой хворост, и одна часть меня пожирает другую.

Все мы ищем вершину святой горы; но не стал бы наш путь короче, если б мы видели в прошлом карту, а не жогаго?

Мудрость перестает быть мудростью, когда она слишком горделива, чтобы плакать, слишком серьезна, чтобы смеяться, и слишком поглощена собою, чтобы искать что-либо кроме самой себя.

Если б я вобрал в себя все, что ты знаешь, куда бы я вместил то, чего ты не знаешь?

Я выучился молчанию у речистого, терпимости — у нетерпимого и доброте — у недоброго; но как ни странно, я не испытываю ни малейшей признательности к этим учителям.

Фанатик — это глухой как пень оратор.

Молчание завистника слишком шумливо.

Достигнув конца того, что следует знать, ты окажешься в начале того, что следует чувствовать.

Преувеличение — это вышедшая из себя истина.

Факт — это бесполоя истина.

Всего ближе моему сердцу царь без царства и бедняк, не умеющий просить милостыню.

Это разум в нас подвластен законам, установленным нами, но никак не дух в нас.

На этом прекращу цитирование, хотя этих стихов Джебрана (по-моему, это все же стихи!) в книге более пятнадцати страниц.

Автор приведенного текста — Джебран Халиль Джебран (1883–1931), поэт, философ, прозаик, художник. Христианин-маронит, он родился в Ливане, но жил в основном в США, почему и считается одним из самых ярких представителей сиро-американской школы писателей. Владимир Марков сделал для данной книги новый перевод с английского (язык, на котором первоначально и были опубликованы эти тексты Джебрана).

Кто-то мне может возразить: все-таки, мол, нельзя называть приведенные афоризмы «стихами», тем более что и в книге «Чаша и виночерпий» они напечатаны в рубрике «проза». Но, во-первых, Джебран во всех литературных справочниках назван «поэтом», так что и указанные — ярко поэтические! — афоризмы вполне можно было бы поместить в рубрику «поэзия». Во-вторых (и это главное), таких похожих на стихи афоризмов (или, иначе выражусь: похожих на афоризмы стихов) много и у современных сирийских поэтов, таких, как Адонис, Мухаммед аль-Магут и другие. Причем указанные современные поэты включают такие поэтические афоризмы именно в свои сборники стихов, без всяких оговорок.

Повторюсь: именно этот жанр «свободной строки» (назовем его так) и кажется мне самым интересным, что несет сегодня арабская поэзия (а также поэзия на некоторых других языках, но развивающаяся, по выражению авторов аннотации, «под влиянием арабского мира»).

Мы привыкли воспринимать поэзию мусульманского Востока как нечто очень застывшее и формально однообразное, и действительно, традиционных «газелей» на Востоке всегда хватало и до сих пор хватает. Но наряду с этим на исламском Востоке издревле оперировали таким понятием, как «бейт», то есть именно: философски глубокая или формально удачная строка, одно отдельно взятое высказывание. (Вроде того

же киплинговского «Запад есть Запад...»: это типичный восточный бейт, едва ли не единственная удачная находка в длинной и по-английски скучной балладе.)

Таких отдельных бейтов с древности бытовало на Востоке много: их заучивали наизусть, передавали из уст в уста, они кочевали из одной рукописи в другую. Необязательно это одна строка, иногда это — емкое и глубокое (или просто остроумное) двустишие или четверостишие. Приведу три примера, все они принадлежат перу арабского поэта Ибн аль-Мутацца (861—908), а переводчики — Анна Аркадьевна Долинина (первые два стихотворения) и ее ученица, составитель сборника, Сарали Гинцбург (автор третьего перевода).

ДО КАКИХ ПОР?

Пора бы прислушаться к божественным истинам
И верную отыскать к Аллаху дорогу.
На Бога надеешься, но разве тебя спасет,
Что раньше других с грехами ты явишься к Богу?

БЫТЬ МОЖЕТ, ТЫ, ВЕТЕР?

Сердца людские — пленники в божьих руках,
При жизни Бог награждает их одеждами красоты.
Я тоже пленник. Когда умру и тело мое истлеет,
Быть может, прах мой к нему, о ветер, доставишь ты.

ГОВОРЯЩИЕ ГЛАЗА

Его глаза радость мне подарили, с моими встретившись:
Они говорили со мной без ненависти, дружелюбно.
Сказали: ты лишился рассудка, нет в этом сомнения!
А я отвечал: сладость жизни лишь безумцам доступна!

Теперь несколько слов скажу о принципах перевода. О подходе А. А. Долининой можно было бы много написать, но мне хочется ограничиться одним словом — «сдержанность». Нередко в процессе перевода нам кажется, что можно улучшить оригинал, например, сказать что-то пафоснее или острее, чем автор. Но от этого соблазна лучше удерживаться: надо, наоборот, недоговаривать, и тогда смысл начнет «общаться» с читателем как бы помимо слов. Об этом С. Гинцбург немного говорит в предисловии, и об этом красноречиво свидетельствуют даже уже процитированные переводы А. А. Долининой, да и других переводчиков, чьи работы включены в книгу.

Приведу еще несколько примеров такого подхода, нижеследующие переводы выполнены с иврита.

Земля — базар, и твари все —
Купцы. Тварь твари — не чета:
Один — мошенник, а другой
По совести ведет счета.
А третий — благородный: в нем
Порока нет — лишь нищета.

Перевод Ш. Крола

Это стихотворение принадлежит перу Шмуэля ха-Нагида (годы жизни: 993 — после 1053). Он жил в Испании и был не только поэтом, но и государственным деятелем: визирем эмирата Гранада. Вот еще одно стихотворение в переводе с иврита, автор его — Авраам ибн Эзра (1089—1164). Он считается одним из выдающихся испано-еврейских ученых и поэтов, — научные заслуги, правда, не принесли ему материального достатка, и этот литератор в жизни много бедствовал, что и отражено в нижеследующем стихотворении. В нем нет ничего из ряда вон выходящего, как и в стихотворении, приведенном выше, однако нельзя не заметить таких особенностей этой поэзии, как остроумие, точность и краткость, — качества, вполне адекватно переданные переводчиком:

Приду ли поутру,
Мне скажут: князь ушел.
Я вечером явлюсь —
ко сну он отошел.
То в путь он снаряжен,
То поживает он —
Несчастье бедняку,
Что злой судьбой рожден.

Перевод Ю. П. Вартанова

Теперь скажу еще о нескольких переводчиках. Заслуживают упоминания киевлянки Ю. Петрова и, особенно, Л. Петрова: в ее переводе печатаются сложные стихи выдающегося сирийского поэта Низара Каббани.

Отдельно следует сказать о Леониде Когане, в 1996 году окончившем восточный факультет СПбГУ, а затем переехавшем в Москву. Он — семитолог, автор исторической грамматики аккадского языка; с 2010 года — постоянный член российско-йеменской экспедиции на острове Сокотра. Исследования этой экспедиции сегодня вызывают законную гордость отечественных востоковедов, и дело не только в науке, но и в геополитике. Остров Сокотра, как известно, перекрывает вход в Красное море, и контроль над ним равен контролю над Суэцким каналом. Запад хорошо это понимает, поэтому в Джибути создал гигантскую военную базу, совместную для нескольких стран НАТО. Маленький остров Сокотра, однако, в случае конфликта может сделать эту базу НАТО в Джибути бесполезной. Вот, как говорится, и «практическая польза» от вроде бы далеких от жизни исследований.

В заключение о том, о чем редко говорят востоковеды. А именно: зачем вообще они потянулись к Востоку, что толкнуло их к изучению арабского языка и исламского круга культур?

Если о чем-то не принято говорить, то, может быть, это — мудрое правило, и не следует его нарушать? Наверное, так; и я тоже не буду углубляться в ненужные откровенности типа: «быть ближе к опасности», «лучше знать своего врага» (а может быть, «союзника», «друга?»).

Кстати, я не нашел в сборнике ответа на вопрос: почему он назван «Чаша и виночерпий»? Особой загадки здесь, впрочем, нет: образы чаши, вина, виночерпия очень распространены в восточной поэзии, несмотря на запрет в исламе на алкогольные напитки. (Между прочим, в книге помещены и два перевода автора этих строк — с фарси и с арабского. Это переводы рассказов, и в обоих из них речь идет о винопитии, хотя эта тема в них — не основная, побочная.)

На вопрос о том, почему я сам назвал свою рецензию «Чаша или виночерпий?» мне ответить легче: для того, чтобы заинтриговать читателя. И только: никаких серьезных

смыслов я в это не вкладываю. Разве что знак вопроса совершенно необходим в заголовке потому, что и весь исламский Восток до сих пор является для нас загадкой и как бы одним громадным знаком вопроса.

Я искренне рекомендую всем книгу «Чаша и виночерпий», расширяющую наши представления о художественной литературе вообще и о литературе Востока в частности. И хотя всех знаков вопроса эта книга ни у кого не снимет, она позволит информированнее судить о настоящем и прошлом цивилизации, которую мы, даже и не понимая ее, все-таки называем *Ближним Востоком*.

Александр АНДРЮШКИН